

ствах государственной службы. И это дает основание по праву считать офицеров одним из самых патриотичных слоев в обществе.

Примечания

1. Саенко П.А. Екатеринбургский пехотный полк. Екатеринбург; 1999. С. 54–59.
2. См.: Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 510–511.
3. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 298.
4. Длондель А.Л. Взгляд на обязанности и дух военного звания. СПб., 1836. С. 12.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23.Д. 5189. Л. 3.
6. См.: Любовь и Восток. М., 1994. С. 419.
7. Мышлаевский М.З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899. С. 12.
8. См.: Ляпин В.А. Дело о том, как поссорились Владимир Андреевич с Никитой Всеволодовичем // Урал в прошлом и настоящем. / Материалы научной конференции. Ч. II. Екатеринбург; 1988. С. 227–281.

А.М. Сафронова (УрГУ)

В.Н. ТАТИЩЕВ И НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА УРАЛЕ В 20–30-е ГОДЫ XVIII В.

В.Н. Татищев, как один из видных деятелей просвещения России первой половины XVIII в., большое внимание уделял проблемам нравственности. В своих произведениях он изложил программу нравственного воспитания, охарактеризовал как положительные человеческие качества, которые следует прививать детям с младенчества, так и отрицательные, от которых следует их удерживать.

В «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах», самом крупном педагогическом трактате того времени, Татищев писал: «К спокойности телесной и душевной нужно человеку со младости обучаться», человек часто непристойными поступками, обидами «сам себе беды и пакости наносит», поэтому «нужно самому перво научиться себя так содержать, чтоб никому досады, не токмо обиды, не учинить и в том крайне прилежать, о чем в правилах закона естественного довольно показано. И сие называется нравоучение»¹. Человек должен «любить себя с разумом, то есть прилежать ко снисканию ... благополучия, а не давать воли неправильному и непорядочному желанию»².

Татищев призывал постигать науку благочестия, благонравия, именуемую и учением добродетелей, чтобы ум человека был способен царствовать над волей и человек стремился только к добру и совершенству, к чему призывают его нравоучительные книги. Человек должен знать и правила, которые «к сохранению доброго дружества служат» – «правила любви,

учтивости и пристойности». Татищев цитирует из Библии слова евангелиста Матфея: «чего себе не желаешь, того иным не твори». Когда душа человека внутренним целомудрием украсится, то, без сомнения, в любых обстоятельствах это проявится и внешне, особенно в беседах с людьми. Учтивость исходит от внутреннего благородства человека³.

Татищев обращал внимание на роль взрослых наставников в воспитании: «воле человека положена узда неволи для его же пользы», «когда недостаточествует собственного кому разума, тогда должно и нужно повиноваться родителем и хранителем, без которых человек во младенчестве и даже до возраста живота своего сохранить и одержать есть не способен»⁴.

Татищев не только размышлял о нравственности на страницах своих сочинений, но и попытался на практике воздействовать на воспитание молодого поколения уральцев, учащихся школ, открытых по его инициативе в начале 20-х гг., а затем в 30-е гг. XVIII в.

Цель открытия первых словесных школ на горнозаводском Урале в 1721 г. Татищев видел не только в том, чтобы заводы «довольством письмом умеющих в лучшее состояние и размножение привести», но и «здешний так простой и упрямой народ, хотя мало во обычаях чтением книг переменить». Так писал он в наказе заводскому комиссару Т. Бурцеву в феврале 1721 г. – самом первом документе, регламентировавшем порядок деятельности словесных школ⁵. Татищев предписывал учителям-дьячкам: «робят обучать не токмо грамоте, но вначале страха божия, почитания властей и всякому честному и порядочному опхождению».

Действенным методом такого воспитания В.Н. Татищев считал чтение по субботам будущего воскресения Евангелия и Апостола, катехизиса, причем не просто чтение, но и толкование, «чтобы все робята оное писание, по последней мере хотя речи, разуметь могли». За пропуск дьячком или приходящим попом хотя бы одной субботы Татищев грозил вычетом месячного жалованья.

Отдельный пункт наказа Василий Никитич посвятил правилам благопристойного поведения, которые следовало учителю прививать ученикам: «Обучать честно говорить, кланяться со всяким почтением, быть смиренным, меж собою не бранитца и не дратца, старших почитать, как словом, так и местом».

В инструкции, данной в том же 1721 г. учителю Кунгурской арифметической школы, недавнему выпускнику Московской артиллерийской школы Д. Одинцову, два самых объемных пункта Татищев посвятил изложению обязанностей учителя по нравственному воспитанию учеников⁶. Татищев оговаривает, какими должны быть отношения детей: «Весьма того

хранить, чтобы они были в школе смирны и между собою друг к другу почтительны с любовью, брани и игор не бывало б, також шалостей яко зерни, пьянства, блуда и протчего...». Он призывает учителя следить за поведением учеников и после занятий: «не токмо в школе, но и кроме школы со всяким прилежанием удерживать и обучать их честному, правдивому и любительному с почитением». Учитель обязывался и «в гулянии» не оставлять учеников, следить, «дабы игры и гуляния их были в честном обхождении, любви, и[з] предложения их науки...». Самыми худшими, считал Татищев, являются два человеческих порока: ложь и воровство, они «паче всех жизни человеческой вредительны». Поэтому учитель должен особенно стараться удержать учеников от этих недостатков, наказывать за их проявление. Татищев призывает учителя действовать заодно с родителями: «и с родителем их накрепко заказывать, дабы над детьми своими под наказанием надсматривали».

В новом наказе заводскому комиссару Ф. Неклюдову 1723 г. Татищев развил положения о нравственном воспитании учащихся⁷. Учителям предписывалось учить своих подопечных с почитением относиться к старшим не только в школе, но и в доме, уметь приветствовать приходящих в школу: когда придет «человек знатной для дела или присмотрения их науки, должны все встать и по достоинству чина отдать поклон, ежели о чем спросит, дать отповедь кратко с почитанием, а в лишней разговор и в спор не вступать».

Учителя должны были бороться с попытками учеников применять ругательства: «Сквернословие и всякия непристойныя слова не токмо в школе, но и весьма накрепко запретить». Интересно отметить, что в 1723 г. Татищев призывал заводского комиссара, учителей, воспитывать в обществе уважение к ученикам как к людям, владеющим знанием: «ученикам пред протчими детьми, которые не учатся, почитение должно отдано быть не взирая на чин отца его и лета». Культивировать культ знаний учителям предписывалось и среди учащихся: хорошо успевающие ученики должны были сидеть за столами впереди других.

Особое внимание в наказе 1723 г. В.Н. Татищев обратил на нравственный облик детей подьячих, будущих служащих многочисленных канцелярий и контор заводского ведомства. Он отмечал, что подьячие, готовя детей к занятию должности, учат их читать и писать, «а наипаче от юности коварства знать, которое по их мнению великое искусство», а «другими науками гнушаются и не прилежат». Поэтому призывал «отрешить им сие намерение тако: в подьячие никого не допускать, которой чисто и слагательно писать не может, наипаче ж таких, которой ко лжи, краже, злобе и неправде склонен, весьма не допускать, но обучать ремеслам иным, ко-

торое учителю надлежит в них прилежно примечать, и за объявленные злости в приклад другим наказывать». Таким образом, Татищев призывал уже на школьной скамье примечать недостойных к исполнению должности низших чиновников, отсеивать безнравственных, нечистоплотных, предлагал направлять их на места заводских учеников.

В наказе 1723 г. В.Н. Татищев развил положения о нравственном воспитании школьников. Попы и дьяконы должны были приходить в школу и читать Евангелие и катехизис по субботам перед обедом, за пропуск им угрожал уже не вычет месячного жалованья, а вполне реальный штраф в 1 гривну, который должен был идти на содержание богадельни.

Во время второго руководства заводами в 1736 г. Татищев написал инструкцию учителям («Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать»), которая считается одной из лучших школьных инструкций того времени⁸. В этом документе Татищев, пожалуй, впервые в России дал характеристику личности учителя, его человеческих качеств, необходимых ему как воспитателю юных человеческих душ. Он подчеркивал неразрывность двуединой задачи учителя как преподавателя и воспитателя: «Учитель есть человек, которой детей читать и писать или иным каким наукам и познанию полезных правил жизни человеческой обучает». «Он должен по совести не токмо в учении..., но во всех делах, обхождениях и поступках твердое и прилежное надзирание и попечение иметь, как отец о суских детех, и им без лености и продолжения все ясно и внятно добрым порядком и наставлением показывать». Поскольку младенцы образу жизни старших «прилежно следуют», «должен учитель быть благоразумен, кроток, трезв, не пианица, не зерщик, не блудник, не крадлив, не лжив, от всякого зла и неприличных... поступков отдален, чтоб своим добрым и честным житием был им образец».

На учителя Татищев по-прежнему возлагал обязанность учеников «обучать честно говорить, кланяться, старейших почитать словом и местом, не токмо в училище, но и в домах». Опять повторял, что наиболее вредными недостатками являются ложь и воровство, и если ребенка от них не удержать, то с возрастом они укореняются и всякое благонравное наставление делают бесполезным, «благополучия лишают». Поэтому учитель должен обличать такие недостатки. Если причина их появления исходит от родителей, хозяев квартир, следует «немедленно доносить командиру», который накажет их. Если учитель «презрит» это, то сам, как потакающий, пострадает.

В эти годы в школах уже не было учителей церковнослужителей, поэтому на светских учителей Татищев возлагал обязанность читать церковные книги, причем не только по субботам, как раньше, а ежедневно, сразу

же после утренней переклички и в обед: «одно зачало из Новаго завета, положенного на тот день, а имянно: поутру из Евангелия, по обеде из Апостола и потом предписанную молитву, а в среду же и субботу часть из катехизиса». Как и прежде, особое внимание Татищев обращал на то, «чтоб всякой мог слышать и разуметь». Учение полагалось заканчивать общей молитвой: «Пред отпуском же кождодневно всем ученикам за учителем говорить Отче наш».

Этой инструкцией Татищев внес изменения в состав учебных пособий словесных школ. По многовековой традиции после азбуки дети приступали к чтению часослова, затем псалтиря, некоторые затем читали Апостол, «и все оное наизусть... но силы слов не разумели». Татищев решил заменить часослов и псалтирь букварем, написанным Феофаном Прокоповичем («Первое учение отрокам») и светской книгой «Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению». Причину замены Татищев оговорил так: «которыми при чтании купно знанию закона Божия и честного жития обучаться может». Букварь Прокоповича пользовался большой популярностью, только в 1720–1724 гг. он издавался 12 раз. Букварь имел «Предисловие к родителям, наставникам...», где обосновывалась польза просвещения, важность раннего воспитания детей. Материал излагался просторечием, тексты молитв и псалмов заменялись их толкованием. Первая часть «Юности честного зеркала» содержала краткие нравоучения из священного писания, вторая часть содержала правила «хорошего тона», извлеченные из разных русских и зарубежных литературных источников. И в отношении этих книг Татищев требовал от учителей: добиваться, чтобы ребенок понимал смысл написанного, тех же нравственных правил: «должен его учитель спрашивать... знает ли он силу того, что учил, чтоб простым наречием и хотя непредписанным порядком пересказал». Писать слова ученикам рекомендовалось по прописям или по тем же книжкам.

По инициативе Татищева осенью 1736 г. заказывалось в Москву по 112 экземпляров Букварей и «Зерцал человеческого бытия», но «Зерцал» удалось найти лишь пять. Книга, трижды изданная в 1717–1723 гг., стала большой редкостью, в 1737 г. ее переиздали, т. е. заказ опередил новое издание. Зато активно закупались для школ «Азбуки или буквари с десятисловием», содержавшие десять знаменитых заповедей Божьих⁹ и в процессе обучения чтению они усваивались детьми.

В латинской школе для чтения наряду с Библией использовались книги древних римских классиков, так же имевшие большое значение для формирования личности – комедии Теренция, басни Федра, переложившего эзоповские басни с моралистической окраской на латинский язык,

меткие и остроумные эпиграммы Марциала. Были взяты из казенной библиотеки горного ведомства и книги писателя-гуманиста эпохи Возрождения Эразма Роттердамского – «Семейные разговоры», «Пословицы», книга «Илаций. Золотое бремя супружества»¹⁰.

Наряду с чтением книг действенным средством нравственного воспитания Татищев считал посещение церковных служб учениками школ, поэтому во всех инструкциях этому уделялось особое внимание. В наказе 1721 г. об этом говорилось кратко: в воскресенья и праздники дети должны быть в церкви «у пения и чтения книг». В инструкции 1723 г. уже расписывалось: в воскресенья и праздники «читать книги по очереди на вечерне, утрени и обедне и притом обучаться пения согласного». В декабре 1735 г. Татищев приказал главному межевщику Игнатию Юдину, отвечавшему за деятельность школ: «Школьников, которые читать обучены, росписать по 4 человека в очередь, чтоб ходили в церковь, когда благовестить станут, и читали псалтирь, канон и прочее». В праздничные дни предписывалось водить в церковь русских учеников из немецкой и латинской школ учителю латинской школы К. Кондратовичу, расставлять их у правого крылоса, учителям русских школ располагать учеников у правого крылоса, посещавших школу пения их учителю распределять по обеим крылосам, малых ставить впереди, больших позади¹¹. В «Учреждении» 1736 г. Татищев предписал учителям ежедневно посылать в церковь на время службы по очереди 2–3 ученика, чтоб они читали то, что им поручит поп, и пели в хоре. Повторно излагался для всех учителей и порядок посещения церкви в воскресные и праздничные дни.

В «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев отмечал, что духовенства и церковнослужителей «должность в том состоит, чтоб неведущих закону Божию поучали и на путь спасения наставляли», но «з горестию видим, что у нас столько мало ученых, что едва между 1000-ю один сыщется ль, чтоб закон Божий и гражданский сам знал и подлому народу оное внятным поучением внушить и растолковать мог...»¹².

Татищев позаботился обеспечить духовенство и церковнослужителей Екатеринбурга литературой для лучшего исполнения своих обязанностей. В марте 1735 г. он приказал купить в Москве на 100 руб., подаренных ему кунгурскими посадскими людьми, ряд книг «для обучения истинного закона христианского» и разрешил, «ежели какие учительные книги сыщутся», истратить на их приобретение до 300 руб.¹³ Были привезены А. Порошиным 45 книг на 148 руб. 95 коп., в том числе Библия, Евангелие, Апокалипсис, «Беседы» константинопольского патриарха IV в. Иоанна Златоуста, сочинения византийского епископа IV в. Григория Назианзий-

ского, собрание извлечений из нравственных наставлений отцов церкви – «Маргарит», церковно-учительный сборник житий святых, расположенных по дням их памяти и дням церковных праздников – «Пролог», «Минеи» и др. За 20 руб. была приобретена «Кормчая» – сборник церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью и в церковном суде. Эти книги пополнили библиотеку горного ведомства, а в 1739 г. были переданы на хранение в канцелярию и оттуда выдавались при надобности.

В 1735–1739 гг. по настоянию Татищева дети духовенства и церковнослужителей с территории заводского ведомства стали забираться для обучения грамоте в словесные школы при казенных заводах и в латинскую школу Екатеринбурга. По нашим подсчетам, их было привлечено более 130 человек. Это делалось вопреки действовавшему законодательству, предписывавшему обучать этих детей в школах духовного ведомства. Но эти школы находились далеко – при архиерейских домах в Тобольске и Вятке, причем не могли вместить всех детей с территории своей епархии. Поэтому усилия Татищева были не напрасны: он подготовил для церкви значительный слой служителей, получивших в горнозаводских школах более высокое образование, чем на дому. С лета 1735 г. опять же по инициативе Татищева Канцелярия главного заводов правления взяла под свой контроль круг лиц, посвящаемых в попы и дьяконы митрополитом Тобольским и Сибирским, стала органом, просеивающем кандидатов в духовный причт, определяющим, достойны ли они занять соответствующие места. Таким образом горное ведомство оказало значительное влияние на отбор более достойных претендентов – будущих наставников нравственности среди населения.

В целом, можно сказать, что все эти действия Татищева – вменение в обязанность учителям воспитывать в подопечных основные понятия нравственности, чтение учебных книг, в которых нравственности уделялось большое внимание, требования посещения церковных служб и участия в них, выписывание учительной литературы для местного духовенства, практические шаги по обучению детей духовенства в горнозаводских школах, контроль за назначением достойных церковнослужителей и священников – позволяют говорить, что Татищев не только в своих сочинениях, но и на практике уделял большое внимание проблеме воспитания нравственных людей, привитию молодежи высоких духовных качеств и правил поведения. И, безусловно, его усилия были не напрасны.

Примечания

1. Тагишев В.Н. Избранные произведения. Л., 1990. С. 90.

2. Там же. С. 116.
3. Там же. С. 117.
4. Там же. С. 121.
5. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М. 1990. С. 62–63.
6. Сафронова А.М. Инструкция В.Н. Татищева о порядке школьного преподавания // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. С. 97–98.
7. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. С. 87–89.
8. Там же. С. 235–242.
9. Сафронова А.М. Книжные собрания словесных школ горнозаводского Урала (1721–1750 гг.) // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1994. С. 133–134.
10. Сафронова А.М. Использование книг В.Н. Татищева и казенной библиотеки Екатеринбурга в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2001. С. 317–318.
11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 255–255 об.
12. Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 86.
13. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. С. 186–187.

В.М. Слукин (ОУК)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В.Н. ТАТИЩЕВА О МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАХ МИРОУСТРОЙСТВА И СОВРЕМЕННАЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТЬ

Время жизни и деятельности В.Н. Татищева совпало с поворотом в устоявшемся укладе российского бытия, которое в известной мере основывалось на домостроевских принципах. Внедрение непривычных европейских порядков, их своеобразное преломление различными группами населения, граничившее подчас с резким неприятием, упорство властей в стремлении изменить устои патриархальности, несшие в себе черты славянского язычества и христианского догматизма, оказало, по всей вероятности, сильное воздействие на общественно-политические взгляды В.Н. Татищева, который искал определенный компромисс старого и нового.

Эти взгляды прослеживаются в его трудах: «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ», «Духовная», «Представление о купечестве и ремеслах», «Краткие экономические до деревни следующие записки». В этих трудах можно почувствовать кредо деятельности В.Н. Татищева, о котором упоминали первые исследователи его работ – «держаться благо-разумной середины». И в морально-нравственных вопросах он следовал этому аспекту. Вот один из характерных примеров, касающийся вторжения иностранных слов в русский язык. Татищев резко восставал против